

0-778738

На правах рукописи

КАРМАЦКИХ Нина Владимировна

**ПОЭТИКА ТЕТРАЛОГИИ М. АЛДАНОВА «МЫСЛИТЕЛЬ»
(МОТИВНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень — 2009

Работа выполнена на кафедре русской литературы ГОУ ВПО
«Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Скалон Николай Романович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Собенников Анатолий Самуилович
кандидат филологических наук, доцент
Лапаева Наталья Борисовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 28 мая 2009 г. в 12:30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Информационно-библиотечного центра ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Автореферат разослан «24» апреля 2009

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

С. М. Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Неоднократно исследователи подчеркивали, что жанр исторического романа актуализируется именно в поворотные эпохи, характеризующиеся переосмыслением бытийных ценностей, масштабными духовными исканиями и тотальными сдвигами в мировой истории¹.

Неслучайно в расколовшейся на две грани русской литературе (метрополии и эмиграции) 20–30-х годов XX века жанр исторического романа стал одним из важнейших в постижении причин и следствий переломной судьбы России. И хотя идейные и художественные принципы писателей русского рассеяния (Д. Мережковского, И. Шмелева, И. Наживина, М. Осоргина, И. Лукаша, М. Каратеева и пр.) и советских писателей (О. Форш, Ю. Тынянова, А. Чапыгина, Г. Шторма и др.) во многом разнились, обращение к образам прошлого стало неизбежной попыткой отразить произошедшие революционные события.

Созданные в эмиграции исторические романы М. Алданова впервые вернулись в Россию в конце 1980-х усилиями московского профессора А. А. Чернышева и вызвали большой резонанс в литературоведении (работы Е. И. Бобко, Т. И. Болотовой, Н. Н. Горбачевой, А. Б. Кдырбаевой, О. Лагашинной, И. В. Макрушиной, О. В. Матвеевой, А. А. Метелиценова, Т. Я. Орловой, Н. С. Рыжковой, Т. Н. Фоминых, Н. М. Щедриной и др.).

Особый интерес для ученых представлял историзм М. Алданова; писатель во многом опирался на толстовское видение истории (Л. Н. Толстого М. Алданов неизменно считал своим учителем²), но это не означает полного совпадения историософских концепций мыслителей.

Как подметили Л. А. Колобаева и Т. И. Дронова, «жанровые стратегии романов Алданова свидетельствуют о генетической близости его произведений с новым типом исторического повествования, «возникшим в эпоху Серебряного века в творчестве Д. Мережковского — романом философии истории, романом историософским»³.

¹ Работы М. И. Раева, А. Н. Николюкина, В. А. Юдина и др.

² Ларин С. «Книги Алданова будут читать...» // Новый мир, 1989. № 4. С. 256.

³ Колобаева Л. А. Тотальное единство художественного мира (Мережковский-романист) // Д. С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 16.; Дронова Т. И. Историософский роман М. Алданова: «энергия жанра» // Русское Зарубежье — духовный и культурный феномен: материалы Междунар. науч. конф. М., 2003. Ч. I. С. 141.

Алдановская художественная интерпретация философии мировой истории опиралась на историческую концепцию индетерминизма. В основе такого видения лежит знание главенствующей роли «Его величества Случая». «Исторический» человек оказывается в ситуации, когда он либо пытается противостоять случаю, либо становится его жертвой. Тем не менее в произведениях М. Алданова утверждается целая система позитивных ценностей: верность родине, жертвенность, долг, ответственность и др. Отсюда — магнетизм прозы писателя; ее философско-интеллектуальный пафос не исключает художественной пластики, позволяющей романисту воссоздавать конкретику исторических коллизий в их неповторимой атмосфере предметной наглядности.

Тетралогия М. Алданова «Мыслитель» (1921–1927 гг.), включающая романы «Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров», представляет особый научный интерес. Это первый художественный опыт писателя. И именно в тетралогии зародились многие главные темы и мотивы, реализованные в последующих творениях М. Алданова. Сам писатель в предисловиях к романам «Мыслителя» неоднократно обращал внимание на те повторяющиеся моменты, которые несут основную историософскую нагрузку и выполняют связующую функцию в текстах. Это главное и целое для автора — «символика серии», которая является, на наш взгляд, цепью повторяющихся, перекликающихся, сопрягающихся друг с другом **мотивов**.

Еще при жизни писателя критики русского зарубежья отметили мотивы одиночества и смерти как ведущие в творчестве М. Алданова. А. Кизеветтер и Н. Ли выделили в качестве главных в алдановской концепции мотивы суеты сует и иронии судьбы, показанные через воссоздание последних дней жизни «великих мира сего» (Робеспьера, Екатерины II, Павла I, Наполеона и др.).

Отдельные мотивы в разных алдановских произведениях стали изучаться в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в работах Н. Н. Горбачевой, Н. М. Щедриной, И. В. Макрушиной, Е. И. Бобко, А. А. Метелищенкова, О. В. Матвеевой и др.

Сегодня романы М. Алданова широко анализируются также с позиций интертекстуальности (работы И. В. Макрушиной, Т. Н. Фоминых). Однако, рассматривая степень изученности тетралогии «Мыслитель», следует заметить, что мотивный анализ в большинстве случаев представлен учеными разрозненно и касается отдельных произведений, а не всей тетралогии в целом. В связи с тем, что в романах М. Алданова мотивы рас-

сма тривались учеными фрагментарно, а некоторые вообще не отмечались, важность изучения произведения в этом аспекте очевидна.

Актуальность исследования определяется необходимостью углубленного изучения творческого наследия М. Алданова — одного из крупных и оригинальных писателей русского зарубежья. Важность изучения романов серии «Мыслитель» диктуется не только стремлением обобщить накопленный материал, касающийся мотивной организации тетралогии, и рассмотреть ранее не изучавшиеся мотивы, но и выявить системный характер мотивных функций и значений, необходимых для осмысления историософской концепции писателя.

Объект исследования — историческая тетралогия М. Алданова «Мыслитель».

Предметом исследования является система ключевых и факультативных мотивов тетралогии «Мыслитель», организующих целостную повествовательную структуру.

Выбор изучаемых мотивов обуславливается тем, что это наиболее частотные и актуальные мотивы, имеющие многозначную семантическую насыщенность, организующие константы художественного мира тетралогии. Особый интерес представляют реминисцентные, аллюзивные мотивы, которые вписывают произведения М. Алданова в общее историко-культурное полотно.

Цель диссертационного исследования — выявить и изучить функции ведущих мотивов тетралогии «Мыслитель», взаимосвязанных философскими, социально-этическими, историософскими и религиозными аспектами; проанализировать идейно-художественное содержание и интертекстуальный потенциал мотивов.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- 1) выявить средства поэтики, при помощи которых различные мотивы проявляются наиболее широко и репрезентативно в историософии М. Алданова;
- 2) определить функции и значения мотивов в тетралогии;
- 3) раскрыть повествовательную структуру «Мыслителя» и жанровую специфику хронотопа;
- 4) проанализировать связь мотива и героя;
- 5) рассмотреть роль религиозных мотивов в их связи с мотивами масонства в реализации общего авторского замысла;
- 6) открыть интертекстуальное содержание тетралогии посредством установления круга межтекстовых связей.

Научная новизна работы заключается в обнаружении и исследовании ведущих мотивов (и их функций) на материале первой художественной тетралогии М. Алданова. При анализе выделяются значимые элементы поэтики, исследуется интертекстуальный пласт произведений в сопоставлении с «аллюзивными» источниками. Проводится подробное изучение особенностей художественного пространства и времени, рассматриваются образы вымышленных и реальных персонажей.

Положения, выдвигаемые на защиту:

1. В целостной многоуровневой системе повествовательной структуры тетралогии «Мыслитель» проявляются различные взаимообусловленные мотивы, связанные с фабулой, сюжетом, хронотопом, героем. Религиозные и философские мотивы являются особенно значимыми в историософии М. Алданова и имеют в тетралогии двойное прочтение: прямое историческое и символическое.
2. В системе взаимосвязанных мотивов многозначны и символически мотивы масонства (от масонства как явления культуры до постулатов тайных братств и их значения в мировых исторических переворотах).
3. Мотивы двойничества, зеркала, круга, сна способствуют раскрытию художественного образа центрального вымышленного персонажа — «человека без свойств», который призван быть не просто «связующим звеном» тетралогии, но и необходим как некая лично не проявленная функция.
4. Принцип контраста является организующим в сюжете тетралогии М. Алданова. Оппозиция *Notre Dame/София Киевская* задает общий тон противостояния символов Химеры и Софии.
5. Мотив книги выступает в роли модели жизни/пути героев и как историософская доминанта, организующая интертекстуальный слой повествования.
6. Многоуровневая система мотивов формирует тетралогия М. Алданова как книгу ностальгии и покаяния.

Теоретико-методологическая база диссертационного сочинения. Теоретической основой диссертации стали работы по исследованию мотива и мотивного анализа. В работе учитывается литературоведческий опыт разных научных школ: А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, А. И. Белецкого, А. Л. Бема, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского, А. П. Скафтымова, О. М. Фрейдберга, Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова, А. К. Жолковского, В. И. Тюпы, Е. К. Ромодановской и др.

В связи со спецификой и многозначностью теоретических положений о мотиве в современном литературоведении в диссертации не ставилась задача дать исчерпывающие представления об этой универсалии (такой труд был осуществлен И. В. Силантьевым⁴). В качестве основного в работе используется суждение В. Е. Хализева о мотиве «как компоненте произведения, который обладает повышенной значимостью», и, «раз возникнув, повторяется в новом варианте... посредством различных лексических единиц, или может выступать в виде заглавия либо эпитафии, или оставаться лишь угадываемым, ушедшим в подтекст» (В. Е. Хализев). Ценным для нашего исследования является и представление о том, что мотивы в тексте актуализируются благодаря повторам интертекстуального характера (реминисценции, аллюзии).

Диссертационное сочинение строится также на исследованиях по теории повествования и нарратологии В. М. Жирмунского, Б. О. Кормана, Б. А. Успенского, Н. Д. Тамарченко и теоретических работах в области исторического жанра Н. М. Щедриной, В. А. Юдина и др.

Методы исследования связаны с целью, задачами и предметом диссертации. Работа строится на сочетании системно-целостного, типологического, сравнительного и культурологического подходов к анализу литературных явлений. В работе активно применяется мотивный анализ с элементами нарратологии и интертекстуального подхода.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении своеобразия мотивов, их механизмов и функций в поэтике текста конкретного автора.

Практическое использование полученных результатов возможно при чтении общих курсов по истории русской литературы первой четверти XX века, литературе русского зарубежья, спецкурсам и спецсеминарам по проблемам мотивного анализа, а также отдельно по творчеству М. Алданова.

Апробация основных разделов диссертации состоялась в форме докладов на Международных научных конференциях: «Евразийский культурный диалог в коммуникативном пространстве языка и текста» (Томск, 2004), «Культура и текст» (Барнаул, 2005), «Проблемы изучения культуры Русского Зарубежья» (Москва, 2006), «Франция – Россия.

⁴ Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.

Проблемы культурных диффузий» (Тюмень, 2008); на всероссийских конференциях: «Наука XXI века» (Майкоп, 2005), «Художественный текст: Варианты интерпретации» (Бийск, 2006), «Провинция в культуре и литературе» (Тюмень, 2007), «Региональный культурный ландшафт в русской перспективе» (Тюмень, 2008). Основные положения диссертации освещены в восьми публикациях, одна из которых соответствует государственным стандартам ВАК.

Структура и объем работы: диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 330 наименований. Общий объем работы составляет 175 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цель, задачи, положения, выносимые на защиту. Определяется методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, предлагается краткая история изучаемого вопроса. Приводятся различные литературоведческие интерпретации понятия мотива как повествовательного феномена. Дается краткий обзор отечественных и зарубежных работ, в которых рассматриваются отдельные мотивы в творчестве М. Алданова.

В первой главе «Мотивная организация повествовательной структуры тетралогии «Мыслитель»» представлен анализ различных мотивов в системе понятий и категорий нарративной поэтики, таких как фабула, сюжет, повествование, персонаж, хронотоп и т. д.

Первый параграф «Мотивы сюжетно-фабульной структуры тетралогии» посвящен рассмотрению главных повествовательных единиц, выстраивающих сюжетику «Мыслителя».

Сюжет тетралогии ограничен рамками исторических фактов и документов, предопределен историей, как того требует жанр исторического романа. В «Мыслителе» несколько сюжетных линий, связанных с историей России и Европы в целом и с отдельными судьбами частных персонажей (реальных и вымышленных).

Динамика сюжета ослабляется за счет внесюжетных элементов: философских диалогов, вставных эпизодов, описаний (портрета, пейзажа, вещного мира). Повествовательная структура тетралогии отличается своеобразной языковой игрой, яркими композиционными приемами (повторы, стилизации, афористичность).

Романы тетралогии связываются в общее повествовательное полотно благодаря сюжетно-фабульным *мотивам поручения, отправления в путь, встречи* и др. Продвигающие сюжет (предикативные) мотивы связаны с трагическим движением истории. Это *мотивы смерти, страха, испытания, разлуки, разочарования, бегства*.

Структурно организующая роль мотивов проявлена и на уровне системы субъектов речи. Важные исторические события рисуются с различных позиций: глазами главного героя Юлия Штааля или повествователя, посредством речи других персонажей (монологов, диалогов, внутренней речи) и, наконец, с позиции всеобъемлющего автора. Его голос, ценностная позиция проявляются самым сочетанием композиционных элементов, включающих в себя микро- и макрособытия исторической действительности, напряженно обсуждаемой, интерпретируемой персонажами «Мыслителя».

Романы М. Алданова автономны (каждый в отдельности прочитывается как законченное целое), и единство серии достигается благодаря отработанной системе повторяющихся, сопрягающихся друг с другом мотивов, а также при помощи общих героев и повествователя.

Во втором параграфе исследуются **Особенности функционирования пространственно-временных мотивов**, описываются топоры и локусы, формирующие хронотоп тетралогии.

Хронотоп «Мыслителя» — сложная структура с различными типами топик и темпоральности. Помимо календарного времени (период конца XVIII — начала XIX столетий) выделяется историософское время (сфера сознания автора), отраженное в многочисленных рассуждениях об исторических катаклизмах и случае. В тетралогии фиксируется своеобразно показанное политическое время, отмеченное в представлениях персонажей о прошлом и будущем различных социально-политических преобразований. В широком смысле оно раскрывается в эсхатологических переживаниях о жизни и смерти и влиянии отдельных политических устройств и систем на человека.

Темповая организация произведений неоднородна: повествование в зависимости от эмоциональной окраски эпизода то замедляется, то ускоряется. При изображении значительных исторических переломов усиление экзистенциального напряжения служит *мотив тишины*. Тишина является особым акцентированным «приемом» в ситуациях между жизнью и смертью.

Пространство в тетралогии представляет собой широко развернутое в географическом отношении полотно (Россия, Малороссия, Европа). В целом пространственная организация произведения характеризуется плотной степенью заполненности. Подробное воссоздание вещного мира, конкретно-зримые детали в историческом романе выполняют особую функцию, являясь знаком изображаемой эпохи и среды во всех ее приметах. Нередко скученное пространство создается благодаря *мотиву толпы*, давки, которые рисуются при описании событий, нарушающих мирное течение жизни (казни, военные сражения, революционные толпы и т. д.).

Чаще всего события, действия, люди в тетралогии показаны на фоне замкнутого пространства, и в этом имеется особый смысл. Для серьезных философских разговоров (Ламора, Баратаева и других героев-философов) создается атмосфера закрытости и тайны.

В закрытом пространстве *окно* является символом, разделяющим миры (свобода/заточение), границей между жизнью и смертью. Элементом хронотопа тетралогии служит и *мотив зеркала*, благодаря которому создается эффект двоемирия. Через восприятие главного героя открывается мир «по ту сторону» амальгамы, где действующие лица — император и заговорщики.

Ирреальные топосы души героя рисуются с помощью измененного состояния (психологического расстройства, сна или опьянения), что демонстрирует невозможность адекватно воспринимать в действительности судьбоносные, исторические переломы.

Определяющим особенностью пространственно-временной структуры тетралогии является *мотив пути*, включающий комплекс различных значений: от путешествия главного героя Штаала по Европе и России до «странствий» в мире идей и смыслов.

Если путь героя в Париж — это философский интеллектуальный диалог (беседы о революции в дороге с Ламором), то путешествие Штаала в Киев показано эмоционально и душевно (описание колоритного пейзажа, самобытной природы). Противопоставление «Киев (мирная жизнь)/Париж (революция)» выразилось в *ностальгических мотивах*. Несомненно, в описании родного М. Алданову города слышится тоска по утраченной красоте дорогого сердцу края. Это та трогательно прекрасная Россия, которую потеряли эмигранты.

Писатель использует и *мотив острова* как символ эмиграции («островного», отчужденного начала). Однако размышления о Родине

у М. Алданова не «надрывные» (как, например, у И. Шмелева и И. Бунина), а «прикрытые», они хранятся в глубине писательского сердца, и выльются в полной мере в других работах — романах о современности.

Мотивная организация формирует текстовое пространство и время определенной художественной направленности, задает общий тон повествованию — контрастность и оппозиционность. На противопоставлении показаны пространственные доминанты: Россия/Европа, Петербург/Париж, Шклов/Якобинский клуб, Софийский собор/Notre Dame. В широком смысле они представлены как антитезы света и тьмы (М. Алданов часто использует технику светописа), жизни и смерти, Добра и Зла.

В третьем параграфе рассматриваются **«корреляции мотива и героев»**. Организованная в тетралогии персонажная градация (обнаруживаемая в портретных описаниях, речевой характеристике, оценочных отступлениях повествователя и т. д.) позволяет разграничивать героев по принципам большей или меньшей душевной подвижности/статичности. К «неподвижным» относятся Робеспьер, Наполеон, Павел I, Баратаев, Ламор — персонажи, так или иначе связанные с миром смерти (мертвых). Им противопоставлены образы динамичных героев (Суворова, Канта). Можно сказать, что душевная косность превращает человека в марионетку истории, в продукт «игры случая».

«Герой-антигерой» Штааль внешне является «подвижным» (ему дано в повествовании быть очевидцем важных событий в России и Европе). Однако отсутствие устойчивых моральных принципов делает героя статичным изнутри. Характерно, что Штааль не мыслит и не действует самостоятельно, а только подражает другим: Декарту, Наполеону, Палену. В Штаале воплотился тип «человека без свойств», который, впитывая убеждения и верования интеллектуальной жизни своей эпохи, используя чужие мысли, сам оказывается неспособным к духовной инициативе; он — управляем.

Темное происхождение, безродность (не то немец, не то голландец) Штааля сказываются и на характере героя: он ни в чем серьезно себя не проявляет (ни в любви, ни в литературном творчестве, ни в военном деле). Фортуна ставит Штааля перед выбором: быть непричастным к дворцовым интригам, быть «сталью» (Stahl — с нем. — «сталь») или поддаться расчетливому, карьеристским целям и проявить «скотские» качества (Stall — «стойло, хлев, конюшня, свинарник»). Выбор в поль-

зу последнего определяет доминанту характера не только Штааля, но — аллегорично — и человека XX века.

В раскрытии образа героя также принципиально значимы *мотивы двойничества, сна, зеркала*, благодаря которым прорисовывается трансформация, изменение его внутреннего мира. Так, сны становятся пророчеством будущего морального падения героя, зеркало также вскрывает душевные перемены Штааля. Пробуждает героя, отрезвляет его сознание только музыка. *Музыкальные мотивы* являются особенно эмоционально-значимыми в тетралогии.

Во второй главе «Роль мотива в выражении философских и религиозных воззрений М. Алданова» делается акцент на концептуальном своеобразии понимания писателем мировой истории.

В первом параграфе — «Историософский круг идей “Мыслителя”» рассматриваются представления М. Алданова о философии истории, открывается художественная картина мира тетралогии.

Главный предмет интереса писателя — человек и свобода как принцип. М. Алданова глубоко волновали вопросы, над разрешением которых бились Вл. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. Это осмысление развития истории, ее целей, причин зла и насилия в человеческом сообществе, размышления о природе революций.

Центральное место в тетралогии отдано «миру идей», *философским мотивам*. На страницах произведения М. Алданова воссоздана эпоха Просвещения, период расцвета философии, литературы, наук, культуры, время, когда человечество пыталось при помощи разума и логики объяснить причины происходящих трагических событий и катастроф.

В «Мыслителе» М. Алданов выстроил философскую генеалогию эпохи Просвещения (от Декарта к Канту), тем самым актуализировав спор, начатый в эпоху Средневековья между «номиналистами» и «реалистами».

Вопросы о смысле бытия, о путях и судьбах исторического развития России и Европы пронизывают всю тетралогию. Ключевым словом, характеризующим переломную эпоху, становится слово «*странный*» (наиболее частотное по употреблению в сравнении с другими оценочными прилагательными). Тотальный хаос, смещение религиозных, нравственных, социальных ориентиров изображены в «Мыслителе». В период исторических сдвигов странной оказывается и жизнь отдельного человека, и происходящее с целой страной.

То, что не поддается разуму и здравому смыслу объясняется случаем (стечением обстоятельств) или действием тайных сил, трансформирующимся в мистификацию. Её привносят «темные» персонажи (ваятель, Химера, Пьер Ламор, Баратаев, астролог).

Раскрывая мысль о стихийной природе мировых катаклизмов, автор использует *мотив огня*, который реализуется во всех вариациях, включая семантику пламени, костра, камина, свечи. Указанный мотив «опредмечивается» в метафоре «костёр революции».

Историософские размышления автора строятся в перекличке исторических эпох по принципу аналогии. Так, перипетии XVIII столетия трактуются в сопоставлении с римской историей или эпохой тринадцатого столетия, а также рифмуются с современным М. Алданову временем (события первой мировой войны, революций, гражданских войн).

Второй параграф посвящен *мотивам масонства*. В историософской картине мира писателя немаловажное место занимает феномен масонства, что определяется стремлением осмыслить роль тайных организаций в судьбах России и всего мира. В своем художественном исследовании масонства М. Алданов своеобразно наследует традицию Л. Н. Толстого. Уже в «Войне и мире» были показаны предпосылки влияния тайных течений на исход не только событий 1812 года, но и французской революции.

М. Алданов отмечал стремление масонов с помощью философских постулатов гуманизма и терпимости внедрить в жизнь идеи свободы, равенства, братства во всем мире. И в то же время писатель показал полярные настроения приверженцев и противников масонства, подчеркивая, что в сознании последних это явление сопрягалось с революционной деятельностью, ведущей Европу к катастрофе.

В параграфе доказывается, что персонажи-мистики (Ламор, Баратаев, ваятель и др.) так или иначе служат раскрытию влияния масонства на исторические события. Автор намеренно акцентирует внимание на описании мрачной атмосферы эпохи, полной тайн и катастроф. Зарождение масонских братств представляется в символической форме — образе средневековой статуи, Химеры, которая свидетельствует, что не только «камни» добра и мудрости выкладывали при создании храмов каменщики. Демонический образ Мыслителя — свидетельство того, что Мудрость не может быть постигнута без преодоления злого начала в жизни.

Мотивы масонства служат приемом раскрытия характера персонажей как вымышленных (Ламор, Штааль, Иванчук, де Бальмен др.), так

и «реальных» (Екатерина II, Трубецкой, Пален, Павел I, Наполеон и др.). Отказ героя от участия в деятельности тайного течения и мотивация этого отказа также подчинены характеристике нравственной состоятельности персонажа. Так, Иванчук и де Бальмен становятся масонами только из соображений о карьерной выгоде. Пален с помощью «братства» стремится убрать с престола неудобного императора. Мотивы масонства выступают и как способ отражения двойственности, противоречивости характера героя (Баратаев, Талызин).

Игра масонскими «масками» уничтожает мысль о возможности создания общемировой гармонии. К Золотому веку, по мысли автора, невозможно прийти, проливая кровь, поэтому он карнавализирует русское масонство. Одевая в костюм Астреи (главного символа равенства и братства между людьми) актрису, автор развенчивает и сами мечты об улучшении человечества, высмеивая «святые» принципы и стремления масонов. Справедливо полагать, что в «Мыслителе» видится явная полемика М. Алданова со многими постулатами «каменщичества».

Масонство в его разных проявлениях (от сугубо эзотерических исканий до активного участия в политической деятельности) становится своего рода «тайно-явным подтекстом» «Мыслителя» — тетралогии, подводившей итоги и всеевропейского кризиса 1914–1918 гг. Писатель, современник и жертва «окаянных дней» стал аналитиком одного из самых изощренных духовных явлений новоевропейской истории. Можно назвать алдановский аналитизм формой покаяния в причастности к тому, что своими духовными «тайнодействиями» подпитывало и готовило катастрофы.

В третьем параграфе «Оппозиция Notre Dame/София Киевская (ее значение в раскрытии религиозной мысли и художественных особенностей серии М. Алданова)» предпринята попытка выявления «ценностного центра» (М. Бахтин) тетралогии.

Обращение к мотиву религиозной веры не являлось доминантным в историософии М. Алданова, тем не менее мысли о покаянии (связанные, в первую очередь, с эмигрантскими настроениями) имплицитно присутствуют в его творчестве.

Тетралогия М. Алданова проникнута мыслями о трагическом бытии, экзистенциальным настроением и спорами о различных верованиях. *Религиозные мотивы* тетралогии «Мыслитель» проявляются на всех уровнях повествования (сюжетика, соотношение героя и мотива, хронотоп).

Значительное внимание писатель уделяет вопросам истинности веры, роли духовных начал в жизни человека. Религиозные мотивы в творчестве М. Алданова рассматриваются в связи с заглавием повести «Святая Елена...». То, что писатель называет произведение именем святой, связано не только с историческим фактом заключения на этом острове Наполеона. Святая Елена, в честь которой назван остров, — мать императора Константина, способствовавшего распространению христианства в Европе. Именно при нем, по мнению автора, было самое лучшее время в истории («полторы тысячи лет — со времени Константина Великого — Европа жила более или менее спокойно»⁵).

Таким образом, последняя книга тетралогии коррелирует с ее началом, прологом; создается своеобразная композиционная «рама», собирающая огромное повествовательное пространство в целостность, подчиненную религиозной символике. Премудрость Божия, София, противостоит Химере Собора Нотр-Дам. *Соборный мотив* имеет потенциальную насыщенность. Он выражается в противопоставлении готического Notre Dame и православной Софии Киевской. Христианская мысль в тетралогии М. Алданова звучит как ностальгия по России, оставленной писателем-эмигрантом и как надежда на то, что Премудрость Божия (душа) сразит Химеру (людские пороки).

Сюжетная рамка «от Химеры к Софии» является доминантной в композиции «Мыслителя».

В третьей главе «Интертекстуальный «пласт» тетралогии в мотивном аспекте» рассматриваются межтекстовые взаимодействия, аллюзии и реминисценции, пронизывающие алдановское произведение.

Первый параграф обозначен как **«Феномен книги в тетралогии М. Алданова»**. Современники писателя неоднократно подчеркивали энциклопедизм, утонченность библиофильского вкуса М. Алданова. В тетралогии выстраивается пласт имен авторов, раскрывающих читательские пристрастия описываемой эпохи. Сохраняя прямое значение (элемент культуры определяемого исторического периода), *мотив книги* в «Мыслителе» одновременно становится своеобразной призмой, преломляющей толкование ведущей сюжетной линии тетралогии — по-

⁵ Алданов М. А. Заговор // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1991. Т. 2. С. 46.

литической жизни Европы и России в революционную и постреволюционную пору, а также частной жизни героев.

Принципиально, что французская революция именуется в тетралогии «целой книгой идей», а «в книге могут быть дурные и прекрасные страницы»⁶. Революция, по М. Алданову, происходит тогда, когда дурные страницы побеждают прекрасные.

В понимании автора, политические манипуляции, войны и перевороты не что иное, как фарс, разыгрываемые трагикомедии. Недаром в «Мыслителе» актуализируется имя знаменитого комедиографа Ж.-Б. Мольера, приводятся цитаты из «Плутней Скапена», «Тартюфа», а также аллюзии на мольеровские пьесы.

Алдановские персонажи неоднократно ассоциируют себя с героями различных произведений. Так, Штаалю поначалу нравится «петербургская глава его жизни», он думает, что сам автор собственного пути. Однако в революционном Париже помимо своей воли он становится «персонажем» «Божественной комедии» и проходит почти все «дантовские» круги революции.

Главными для героя становятся книга А. Байе о Декарте и само «Рассуждение о методе». Штааль пытается отождествить себя с великим философом. Книга о Картезии выступает символом подведения итогов пройденного пути. Мечты героя оказываются несбывшимися. Его путь не равен пути философа, так как Штааль понял для себя «упрощенный» вариант декартовской концепции. «Посмотреть все и увидеть все» еще не значит, что «смысл жизни придет сам собою».

Самой главной книгой в историософской картине мира М. Алданова является Библия. Приводимые из нее цитаты на протяжении всего повествовательного цикла (и не только в «Мыслителе») являются лейтмотивными и интерпретируются как стремление к пониманию сущности бытия.

Мотив книги реализуется в тетралогии многозначно. Сложные вариации его скрыты в подтексте или всплывают на уровне сюжетной, пространственно-временной характеристик, а также в обрисовке образов героев, в художественных деталях, символах, цитатах, номинациях, реминисценциях. Зародившись в первой романной серии, мотив про-

⁶ Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1991. Т. 1. С. 148.

низывает и последующие произведения автора. Модель: «книга — мир, жизнь» легла в основу писательского мировосприятия и стала особенно значимой в его творчестве.

Второй параграф назван «*Литературные реминисцентные мотивы «Мыслителя»*». Важно, что, создавая историческое повествование в тетралогии, автор опирался не только на исторический и философский, но и литературный контекст эпохи, что отражается в упоминаниях имен писателей и фрагментарной цитации из различных произведений. *Литературные реминисцентные мотивы* в «Мыслителе» играют исключительную роль. Алдановские герои по воле автора словно проживают различные ситуации из мировой литературы. Отсылая читателя к произведениям Гюго, Карамзина, Л. Толстого, Гете, Данте, Вольтера, Мольера, Руссо, трудам философов и религиозных мыслителей, автор создает особый культурологический фон.

В произведениях мировой литературы алдановские герои находят подтверждение своим действиям (или бездействию). Неоднократны упоминания о греческих, римских исторических источниках, именах (Тацит, Саллюстий, Светоний и др.).

Описывая революционные сцены, дворцовые перевороты, военные сражения, писатель обращается к схожим ситуациям в древней истории, за счет чего хронотоп расширяется до всевременной и всемирной целостности. Робеспьер именуется кровожадным Катилиной, события девятого термидора сравниваются с Тарпейской скалой и т. д.

Широко просматриваются аллюзии на «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Возникающие образные параллели высвечиваются на уровне сюжета и героев и в историософских парадигмах. Так, заглавие серии «Мыслитель» сопряжено с именем одной из химер Notre Dame. Химера — это аллегорическое воплощение человеческих грехов, столкновение божественного и дьявольского в жизни.

Мотив смерти в его интертекстуальном виде особенно актуален и вновь отсылает к роману В. Гюго, который заканчивается кладбищенской сценой. Заключительное произведение своей серии М. Алданов завершает смертью Наполеона. Штааль после тяжелых потрясений оказывается на кладбище, где впервые ощущает бренность своего существования. Наконец, французская революция, по М. Алданову, это не что иное, как «общая могила».

Интертекстуальный слой углубляет повествование «Мыслителя», выявление «чужого слова» позволяет рассматривать произведения

М. Алданова в новом ключе. Однако влияние не только зарубежных авторов прочитывается в алдановском произведении.

Воссоздавая эпоху конца XVIII века, М. Алданов неоднократно упоминает имя Н. М. Карамзина. Благодаря *карамзинским мотивам* в тетралогии актуализируется проблема реформы русского языка, волновавшая М. Алданова еще и потому, что в ней виделись явные параллели с современным ему веком. Писательская манера сентименталистов пародируется квази-дневником Штааля, бездарным стилизатором. Именно стиль является объектом спора с Н. Карамзиным, спором, опосредованно связанным и с реформой русского языка 10–20-х гг. XX века.

Карамзинские мотивы широко проявлены в алдановском тексте. Пародия на сентиментальное «Путешествие...» является перелицовкой, противоположным карамзинскому сюжетом о квази-путешественнике, с квази-дневником и квази-любовью.

Если с Карамзиным М. Алданов вступает в спор, то в отношении Л. Н. Толстого складывается иная картина. Автора «Мыслителя» волновала фигура Л. Толстого еще до создания первой художественной тетралогии, в первую очередь как критика (исследование «Толстой и Роллан», 1915 г., «Загадка Толстого», 1926 г., отдельные статьи). Поэтому не отразиться на творчестве М. Алданова толстовская мысль не могла.

Уже в выборе М. Алдановым эпопейной, крупной жанровой формы — тетралогии — видится явная ориентированность на творчество мастера. Кроме того, тетралогия «расширяется» за счет прямых отсылок к произведениям Л. Толстого (возникает своеобразная подвижность текстового пространства), что нередко осуществляется в авторских сносках — зарисовках будущей жизни героев.

Идейная близость Л. Толстого и М. Алданова заключается в том, что оба писателя представили скрупулезный анализ того, как странное, страшное явление — масонство оказывало влияние на мировую историю.

Мотивно-интертекстуальная основа творческой системы М. Алданова очень глубока (в некоторых случаях в авторский текст входят готовые «цитаты» и «формулы»). И для постижения всех скрытых смыслов необходима тщательная проработка целых пластов мировой культуры: от философских течений до религиозных и научных доктрин. Автор не просто «цитирует» какой-то конкретный текст или отсылает читателя к другому произведению — он воссоздает через легко опознаваемые зна-

ки (упоминания, стилизации, называние литературных имен, ситуаций и т. д.) разные типы дискурсов, которые и представляют образ русской жизни XVIII—XIX вв.

В **Заключении** диссертации формулируются основные итоги проведенного исследования и делаются следующие выводы:

1. Мотивика играет ведущую роль в организации фабулы и сюжета, хронотопа и образа героя, а также всего повествования тетралогии М. Алданова. Мотивы встречи, беседы, бегства, смерти, испытания и др. «образуют» и углубляют сюжетно-фабульную структуру. Разнообразные по семантическому наполнению мотивы взаимообусловлены, связаны между собой.
2. В «Мыслителе» выделяются различные типы топик и темпоральности. Формированию хронотопа служат мотивы пути, острова, толпы, круга, окна, зеркала. Время в тетралогии представляет собой нерасчленимый симбиоз прошлого-настоящего-будущего, осуществляемого в границах жанра исторического романа. Пространственными доминантами являются оппозиции Россия/Европа, Петербург/Париж.
3. Организованная в тетралогии персонажная градация позволяет разграничивать героев по принципам подвижности/неподвижности. Большинство «неподвижных», отрицательных персонажей (Робеспьеру, Павлу, Баратаеву и др.) противопоставлены образы «подвижных» героев — Суворова, Канта, Воронцова. Штааль — тип безличностного соучастника в истории. Это человек «без свойств», которого «делают» события, он же в событиях пассивный участник (безынициативная фигура). Благодаря мотивам двойничества, сна, зеркала, круга прорисовывается трансформация, изменение внутреннего мира Штааля.
4. Мотивы масонства свидетельствуют о чрезвычайной важности для М. Алданова этого явления. Развивая мысль о двойственности и противоречивости масонства, писатель показывает степень причастности тайных братств к историческим переворотам России и Европы.
5. Религиозные и философские мотивы являются особенно значимыми в историософии М. Алданова и показаны на принципе контраста. В этом отношении символическая оппозиция *Notre Dame/София Киевская* является центральной в тетралогии, что отвечает авторскому замыслу — показать противостояние Мыс-

ли (Химеры) и Души (Софии), а в широком смысле — противостояние Запада и Востока.

6. Являясь историософской доминантой, мотив книги «стягивает», организует все мотивы серии. Книга понимается и как модель жизни/пути героев. Проявление интертекстуальных мотивов отражает умение М. Алданова при помощи «чужого слова» усиливать идейно значимые эпизоды своего произведения.
7. В тетралогии запечатлены мотивы воспоминания и переживания автора по утраченной родине, что позволяет говорить о «Мыслителе» как о книге ностальгии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК:

1. Горянская Н. В. Две версии прочтения Л. Н. Толстого (И. А. Бунин и М. А. Алданов) // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 7. — С. 114–119.

Другие публикации:

2. Горянская Н. В. Наступление «неоархаики» (образ *пещеры* у Е. Замятина и М. Алданова) // X-я неделя науки МГТУ: VI-я Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспирантов, докторов и молодых ученых «Наука XXI века» (I сессия). — Майкоп, 2005. — С. 56–58.
3. Горянская Н. В. Темы и мотивы романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в тетралогии «Мыслитель» М. Алданова // Культура и текст: сб. науч. трудов Международной конференции — Барнаул, 2005. — Т. 3. — С. 42–48.
4. Горянская Н. В. Карамзинские мотивы в тетралогии «Мыслитель» М. Алданова // Художественный текст: варианты интерпретации: труды XI Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 12–13 мая 2006 г.): в 2 ч. — Бийск, 2006. — Ч. 1. — С. 135–140.
5. Горянская Н. В. Массонские мотивы в тетралогии М. Алданова «Мыслитель» // Вестник Академии Российских энциклопедий. — Челябинск, 2008. — № 1 (27). — С. 25–31.
6. Горянская Н. В. Символика храма в тетралогии М. Алданова «Мыслитель» // Региональный культурный ландшафт в русской перспективе: сб. науч. ст. — Тюмень, 2008. — С. 206–210.
7. Горянская Н. В. Феномен книги в тетралогии «Мыслитель» М. Алданова // Проблемы изучения культуры Русского Зарубежья (в печати).
8. Кармацких Н. В. Французская революция в художественном сознании М. Алданова (на примере тетралогии «Мыслитель»). — Режим доступа: <http://www.tmnlib.ru/DbFileHandler.axd?1986>

Подписано в печать 24.04.09. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60х84/16. Заказ 314.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 45-56-60, 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

100